

НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ДИАЛОГИ

20–21 октября 2004 г. в МосГУ состоялась научно-практическая конференция «Междисциплинарные проблемы психологии телесности». В числе организаторов конференции — Московский гуманитарный университет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Международный государственный университет природы, общества и человека «Дубна», Институт человека РАН, Институт философии РАН, Институт культурологии РАН, Ассоциация телесно-ориентированных психотерапевтов. Конференция проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Отчет о конференции представлен в этом номере журнала.

В ходе конференции возникла возможность дискуссии между представителями разных наук, осветивших проблемы телесности в разных научных контекстах. Публикуем стенограмму выступления на конференции доктора психологических наук, профессора В. П. Зинченко «Психология на качелях между душой и телом» и последовавшего за ним доклада доктора философских наук, профессора В. А. Подорога «Феноменология телесности». В. П. Зинченко и В. А. Подорога принадлежат к числу наиболее известных российских ученых, разрабатывающих проблему телесности.

В. П. ЗИНЧЕНКО
&
В. А. ПОДороГА

О человеческой душе и плоти

В. П. Зинченко:
Поделюсь своими соображениями если не о теле, то хотя бы о душе, которая, наверное, все же с телом связана.

Проблематика это междисциплинарная. В последнее время я все чаще обращаюсь к философии. Есть большая неправда в том, что психология отделилась от философии 150–200 лет назад. Отделилась только часть психологов, и можно их назвать отщепенцами или лишенцами. Но оттого, что от фило-

софии отделились психологи, философия не перестала заниматься философской психологией. Не

было такого периода в развитии философии, когда бы интереснейшие фигуры в ней не обращались к психологии. И мы просто обедняем себя, мало обращаясь к философии или к тому, что называется философской психологией.

Меня радует, что большое количество психологов, которые здесь собрались, пере-

В. П. Зинченко и В. А. Подорога передали в редакцию статьи, где они существенно развивают высказанные на конференции идеи. С согласия авторов в этом номере редакция публикует стенограммы их выступлений, подготовленные к печати Ч. К. Дафгын-оол. В следующих номерах журнала будут опубликованы их теоретические статьи по проблеме телесности.

стали смотреть на человеческое тело глазами патологоанатома, психофизиолога, физиолога, генетика, социолога и так далее. Хотя еще не закончился период, который можно обозначить словами Андрея Белого: когда он захворал, то кому-то написал, что «психология «оплотневела» во мне в физиологию». Такие периоды у каждого из нас бывают, когда не до души, не до психологии, когда действительно напоминает о себе человеческое тело.

И психика сама ведь очень часто изучается не психологическими методами. Если бы здесь присутствовал Александр Моисеевич Пятигорский, он бы нам подробно рассказал о том, как в древнем буддизме обосновывался тезис о том, что психика может изучаться не психологическими методами.

Мне кажется, что душа и тело, в конце концов, заслуживают того, что бы стать полноценными и полноправными предметами психологического исследования. В принципе изучение тела бесконечно. Я напому вам слова Спинозы: «То, на что способно человеческое тело, еще никто не определил». И, наверное, не скоро определит. Так что здесь безработица нам не грозит.

Есть еще один аспект, я нашел его у Мераба Мамардашвили. Он говорил о том, что в конечном теле содержится совершенное и бесконечное. Это удивительно интересный предмет научного исследования. Но совершенное, бесконечное в конечном теле, наверное, надо суметь увидеть. Мамардашвили увидел это в плоти Спасителя. Не стану приводить его аргументацию от Иоанна по этому поводу. Но он назвал ее декартовским словосочетанием «метафизическая материя».

Ухтомский сделал предметом изучения не только физиологии, но и психологии — «виртуальные функциональные органы». Это его терминология. Он стремился к тому, чтобы понять и познать анатомию и физиологию человеческого духа, а не человеческого тела. Мы встречаемся с такими терминами в биомеханике, в физиологии. В психологии активности Бернштейна это «биодинамическая ткань движения».

В психологии мы встречаемся все чаще с таким термином, как «чувственная ткань образа» или «эмоциональная, аффективная ткань чувств». Что это такое? Что за реальность? Как относятся эти перечисленные ткани к анатомии, физиологии человеческого духа? И как — к анатомии и физиологии человеческого тела?

Не мудрствуя лукаво, Бернштейн сказал, что человеческое движение это есть живое существо. Если вам больше нравится, возьмите автономный юнговский комплекс. Это живое существо, и как живое существо — это вполне полноценный предмет экспериментального исследования.

Обращусь теперь к другому из этих полюсов. Термин «качели» не нов в психологии. Густав Шпет использовал этот образ, когда говорил о мысли и слове. В последний раз Биbihин в этом же контексте использовал сей образ. Мне кажется, есть путь от души к некоторой реальности — телу и возможен путь от тела к душе. Я ничего нового не говорю. В истории философии есть огромное количество примеров, когда шли от духа к природе или от природы к духу. Какие встречи происходили и какие были противоречия — не место и не время говорить об этом. Скажу то, что, мне кажется, полезно вовлечь в обсуждение этой телесной тематики.

У меня хватает чувства юмора, чтобы не определять душу. Более того, едва ли возможно ее определение. Это не столько понятие, сколько некоторый культурный концепт. Не знаю, возьмется ли кто-нибудь из участников определять тело, но подозреваю, что и тело не определимо. Тоже является чем-то вроде культурного концепта.

Если угодно, то можно счесть душу чем-то вроде символа. Это такой символ, который заделывает дыры в наших представлениях и там, где нам недостаточно причинно-следственных отношений. Некий «смыслообраз» платоновской души в свое время был задан. Кстати, когда спрашиваешь студентов разных вузов, даже 4–5 курсов об атрибутах души, они об этом не имеют ни малейшего представления. И раскрывают глаза от удив-

ления: «Как это — атрибуты: познание, чувства и воля?».

Еще одна оговорка. Зачем мне на старости лет понадобилась душа? Имеется ли какой-то смысл обращения к этой реальности?

Я устал оттого, что можно назвать душевной эмпирикой. Это бахтинский термин. Скорее даже — бездушная эмпирика. Мы раздробили психику на огромное количество функций. Это замечательно для исследований. Кто-то погружается в пороги, кто-то в блоки кратковременной памяти, кто-то еще куда-то. И, по Леонтьеву, происходит сдвиг мотива на цель.

Этот горюх даже не извлеченных от реальной жизнедеятельности процессов, а отвлеченных от нее, никак не собирается в некоторое приблизительное целое. Мне кажется, что приближение к душе окажется средством интеграции того огромного материала, который накоплен в психологии. Возьмите «Введение в психологию» Аткинсона. Это гигантская книга, объемом 70 печатных листов, где ты не понимаешь связи между фактами, изложенными в разных главах и параграфах. Опять я скажу словами Андрея Белого: «Мы имеем дело с некоторым роюм, а не строим». Желание привести этот рой в какой-то относительный порядок и заставил меня обратиться к теме души.

Мне достаточно для характеристики души бахтинского «душа — это дар моего духа другому человеку». Ну, было бы что дарить. И мне достаточно мамардашвилиевского, что «душа — это то, что болит без причины». Этот дар, конечно, замечательный. Он не похож на подарки, которыми мы обмениваемся. Потому что эти подарки бывают двух видов: бесполезные и абсолютно бесполезные. Это дар, который от дарения не скудет. И какие дыры, прорехи заделывает душа? Более важно понять не столько что она такое, не столько дать ей определение, сколько понять, где она. И я укажу несколько мест.

С точки зрения теологической душа находится между духом и телом. Если мы возьмем традицию Бубера, Бахтина, то душа — между нами, между людьми. Порой души

даже сливаются воедино. Они потом могут разливаться. По логике Ухтомского, доминанты души находятся между нами и миром. Что-то мы пропускаем из мира в себя, а что-то на дух не принимаем, отбраковываем, отбрасываем. По логике Федора Степуна, душа находится между настоящим и прошлым. По логике Фромма, она — между настоящим и будущим. Как та хохлушка, которая говорила, «шо було, я бачила, а шо буде, я уже казала»...

Многие искали седалище души внутри, а Густав Шпет сказал, что «вся душа — есть внешность». Она нежным, мягким покровом обволакивает нас. И все удары, которые наносятся душе, отражаются на внешнем виде в форме морщин, шрамов. Они на внешнем нашем лице. Мандельштам по этому поводу сказал, что «духовное доступно взорам, и очертания живут»... Если бы был проектор, то можно было показать лицо самого Мандельштама и многие другие лица, где это духовное несомненно.

Не стану продолжать, потому что душа всепроникающая, вездесуща и на каждом из этих мест она выполняет свои функции. Эти функции совершенно различны. Я говорил о виртуальных функциональных органах, Фихте нам популярно объяснял, что душа и сознание назначают органы к формированию, к созданию этих органов. Душа лепит тело, радуется, страдает, биографствует. Сама при этом то ли развивается, то ли раскрывается.

Все-таки главная проблема — это онтология души. Есть ли за душой, в том числе у меня за душой, какая-нибудь реальность, которую я готов предложить в качестве некоторой онтологии? Пожалуй, здесь я сделаю паузу, попрошу Валерия Александровича Подорогу поговорить о плоти. У меня есть все выписки, которые он сделал в своей замечательной книжке, посвященной феноменологии тела, из Сартра, из Ницше, его собственные комментарии. И если бы я начал излагать в присутствии Валерия Александровича эти вещи, то в своем докладе он бы израсходовал много времени для того, что-

бы популярно объяснить, что Зинченко его переврал.

Объясните, Валерий Александрович, что такое плоть в отличие от тела, а я потом продолжу.

В. А. Подорога:

Владимир Петрович, зачем это Вам нужно? Вы занимаетесь душой, хорошо, очень аккуратно так занимаетесь. Зачем Вам плоть-то? Что это Вы вдруг о плоти? Как-то все это было спокойно, нормально...

В. П. Зинченко:

А я хочу, чтобы Вы поволновались.

В. А. Подорога:

Так я еще буду волноваться — у меня целый доклад. Сижу и волнуюсь уже. Можно привести один общепринятый афоризм, хотя очень много делается определений, дефиниций с разных сторон в отношении тела, плоти, души. Мне кажется, более точно и более понятно закавычить ее как «метафору желаний». Это распространенный образ. Сегодняшнее представление о плоти мы кавычим. Все-таки тема желаний есть субститут, широко исследованный.

В. П. Зинченко:

То есть это тело желания?

В. А. Подорога:

Я бы не использовал здесь слово «тело». Мне кажется, что в нашей конференции его вообще не стоит использовать. Тем мы точнее будем. Порезе, как можно реже...

В. П. Зинченко:

Вы приводите в качестве иллюстрации, что такое плоть, пассаж из Сартра, который выражал различия между глазом и взором. И Ваше пояснение: «Взглядом касаются, следовательно, желают. Глазом смотрят». Я бы сказал, смотрят для того, чтобы удалиться от зримого на безопасное расстояние. Обозревают его, не сближаясь.

Во взгляде есть что-то от клейкой, липучей субстанции. Взглядом приклеиваются к тому, что видят. Взглядом касаются. Взгляду, поскольку он проявляет себя, не достает объекта желания. Не достает, если выражаться в сартрианских терминах, плоти другого. И, следовательно, не достает

и собственной плоти, которая понуждается к прикосновению, проникновению в плоть другого. Это есть нечто липучее, желанное.

Многие помнят замечательные эксперименты Филиппа Салапатека, который регистрировал глаза младенца месячного и двухмесячного возрастов при рассматривании человеческого лица. Младенец месячного возраста смотрит на лицо как парикмахер-визажист: на прическу, уши, подбородок, и его совершенно не привлекают внутренние детали человеческого лица, такие как глаза, рот. Но уже через месяц младенец смотрит исключительно на глаза и губы. Здесь происходит удивительный прогресс сенсорно-перцептивного развития в течение одного месяца: выделение самого привлекательного, информативного взгляда как касание, и он смотрит уже не столько в глаза, сколько в душу, если она есть у того, на кого он смотрит.

Кстати, Пушкин это всегда знал: «Улыбку уст, движенье глаз ловить влюбленными глазами...». Все присутствующие до сих пор ловят улыбку уст и движенье глаз. Это наша способность, умение, которые сложились в двухмесячном возрасте.

Мамы знают, что младенец еще в более раннем возрасте ищет плоти другого, и рукой тоже. В Японии есть одна исследовательница, которая десятилетие изучает этот поиск ручкой контакта с матерью. Для меня здесь эта плоть выражается в некоторых движениях, движениях глаза, в движениях руки.

Я думаю: то, что Валерий Александрович называет желанием, все равно тоже имеет какой-то моторный аккомпанемент. И моя мысль заключается в том, что между душой и телом есть некоторая реальность. Каждый имеет основание тянуть вот это срединное одеяло на себя. Кто-то называет это плотью тела, а кто-то называет это плотью души.

«Поэта долг пытаться единить

Края разрыва меж душой и телом.

Талант — игла и только голос нить,

И только смерть сему шитью пределом».

Это 23-летний Иосиф Бродский, который не без гордости говорил, что он вернул душу в русскую поэзию.

Здесь я хочу указать на определенную традицию. Был у нас биофизик академик Самойлов. На одном из юбилейных мероприятий, связанных с именем Ивана Михайловича Сеченова, он говорил примерно так: «Наш замечательный ботаник Тимирязев сказал, что лист — это растение. Мы понимаем, что есть плоды, корни, стволы и всякое прочее. Но лист как бы содержит в себе все свойства растений. Иван Михайлович Сеченов сказал, что мышца — это животное. Опять же мы понимаем, что есть кровеносная система, скелетный аппарат и многое другое. Но мышца содержит в себе основные свойства животных».

Я хочу поставить вопрос относительно третьей строчки. Поставлю вопрос о том, что такое душа. И мне кажется, мы можем сказать, что она — живое движение тела и даже той же души. «Душой исполненный полет», между прочим, а не телом исполненный полет. Это, может быть, живое движение, душа души.

О сложности живого движения, изученного к настоящему времени, вы можете прочитать в статье Натальи Дмитриевны Гордеевой. Она действительно оправдывает бернштейновскую метафору, что движение человеческое — это есть живое существо. Тогда если плоть тела ищется в движении, то, может быть, есть смысл и плоть души искать в движении?

У меня есть и союзник, значительно более авторитетный, чем ваш покорный слуга, об этом говорящий. Прежде чем апеллировать к союзнику, я скажу, что в исследованиях Гордеевой в живом движении обнаружены и разные формы чувствительности. Обнаружено то, что получило название фоновой рефлексии. Сейчас я могу сослаться на Гегеля, который сказал: «Сам дух не есть нечто абстрактно-простое, а есть система движений, в которой он различает себя в моментах, но в самом этом различении остается свободным».

Те, кто занимается телом, наделяют тело некоторыми свойствами души. Те, кто занимается душой, наделяют душу некоторыми

телесными свойствами. Вот проблема, которую я поставил перед вами для обсуждения. Может, и не надо делить, а действительно «сшить эти края разрыва»? А может, надо поделить и потянуть одеяло на себя?

С психологами, кстати, не соскучишься. Если даже принять это живое движение в качестве важнейшего предмета психологического исследования, то наверняка найдутся желающие дифференцировать живое движение души от живого движения тела.

В. А. Подорога:

Владимир Петрович затронул много разных тем. К сожалению, я должен уйти с его магистрального пути к теме, которая, может быть, и не очень мне близка, но тем не менее должна была возникнуть. Это тема истории. Истории репрезентации телесных образов.

Без исторического хода, без методологии истории очень трудно работать с таким ускользающим феноменом. Владимир Петрович вполне справедливо обмолвился, что тело — это всего лишь культурный конструкт. Я хочу добавить, что это производимый постоянно культурный конструкт.

Мы сталкиваемся с тем, что неизбежно убивает нас как исследователей, — это историчность, в которой пребывает человеческий телесный опыт. И если мы не будем ее учитывать, если мы представим себе телесное только с точки зрения некоторых научных методов и исследований, в которых замораживается историческое время, несущее в себе телесную репрезентацию, то, конечно, мы будем находиться на каком-то одном полюсе, на одном не узком, но крайнем пути развития наших знаний о феномене телесности в нашей культуре. Все время надо добавлять аспекты культуры и истории.

Это громадная тема. Специально ею я не занимался и не могу говорить о выработке различных логик и энциклопедического знания. Я лишь хочу вас ознакомить с эскизами, с некоторыми метаисториями телесных историй.

Сразу надо оговориться, что я делаю резкие различия между образом и репрезента-

цией. Если мы рассмотрим движения телесных образов, то их относительно мало. Они существуют в культуре и почти всегда носят латентный, трудно выявляемый характер. Это что-то подобное коллективному бессознательному, архетипам. Но они не так быстро выясняемы, потому что связаны с конкретно-исторической ситуацией и историчностью времени.

Мы должны опираться на историческое знание, достаточно продуманное и развитое где-то в начале XX века. Я имею в виду школу Анналов. Это множество выдающихся и всем вам известных мыслителей-историков, таких как Фернан Бродель, Жак Ле Гофф и многих других, которые сопутствуют этой постдюркгеймовской школе в истории. Пожалуй, это идеальная школа истории. От нее мы получаем информацию о новой истории.

В начале 20-х годов XX века начало формироваться знание о множестве историй и, в частности, представление о так называемых медленной и быстрой историях. Возьмем и рассмотрим телесные репрезентации в Античности, Средневековье, Возрождении. Здесь мы легко установим открытые, доминирующие образы телесности, которые формировали целые цивилизационные процессы, где устойчиво повторялись образы и системы образов, которые обеспечивали единство цивилизационного исторического процесса. Это сфера так называемого двух-трехтысячелетнего поэтапного развития, которое можно включить в понятие *медленной истории*.

Медленная история — это история, которая завершена. Наблюдатель находится в привилегированном положении: он может просмотреть историю от ее начала до завершения. Фернан Бродель, например, рассматривал полуторатысячелетнюю историю Средиземноморья, чтобы проанализировать, например, экономические пути перехода цивилизации к капитализму, капиталистическому хозяйству.

Громадные промежутки времени позволяют нам контролировать некую систему

ценностей, отношений, знаков. Прием медленной истории чрезвычайно важен, потому что позволяет разделить нашу историческую репрезентацию на две части, первая из которых — именно медленные изменения, те, за которыми мы можем проследить. Прослеживание связано с некоторой двусмысленностью в самом профессионализме историка, потому что именно эта история плохо, недостаточно аргументирована. В принципе, здесь есть негативный аспект. Но тем не менее медленная история позволяет нам как-то фиксировать устойчивые образы телесности.

В античности мы находим так называемый феномен скульптурно, пластически выраженного оболочного образа, который формирует безмятежное и достойное бытие аристократа, владеющего рабами. Здесь наблюдается интересная ситуация. Связана она с тем, что устраняется сама феноменология телесности своеобразным опытом на уровне конструирования самого тела. Когда мы говорим об античности, мы автоматически забываем о рабском мире. А когда вы восстанавливаете через тексты значение слова «раб», выясняется отрицание телесного начала. Резкое, просто уничтожительное отрицание. Вы оказываетесь перед такими фактами, которые вас просто поражают! Оказывается, что этимологически слово «раб» созвучно слову «смерть». Значит, тот, кто раб, — мертв.

Каждая эпоха, каждое историческое измерение так или иначе затушевывают или каким-то образом пытаются нейтрализовать это телесное начало, представить человеческое в качестве самоорганизующегося, мощного начала, которое контролирует телесное. Поэтому надо знать, что вся история — это история негатива, история того, как мы управляем телом, как мы можем его контролировать. Здесь есть только один аспект: как? В конечном счете, телесное совпадает с животностью, варварством, неспособностью вступить в человеческое.

Поэтому наше предубеждение, наши смешки, наша внутренняя ухмылка, когда

кто-то говорит слово «тело» (даже в русском языке), все это — наследие процессов, которые идут из глубин европейской цивилизации. Они также получают ускорение развития, например, в рамках российской имперской системы образов, которые обслуживали нашу культуру. Имперскую культуру — потому что сейчас можно говорить: то, что мы сегодня имеем, является следствием развития в течение двух тысяч лет. Поэтому не надо строить иллюзии и надеяться на то, что изменения происходят так быстро.

От Античности мы переходим к Средневековью. В рамках цивилизационного средневекового процесса аскетика формируется как умерщвление плоти, когда контроль над телом еще более усиливается. В конечном счете, освобождение через эпоху Возрождения уже происходит на уровне инерции, утраты самого контроля. Инквизиция как раз иллюстрирует эти примеры утраты контроля, а не его усиления. Это — саморазрушительная программа контроля за телесным поведением человека и уже неспособность им как-то руководить.

Меня больше всего интересует тот участок, который мы можем проследить от Нового времени. Здесь начинается так называемая *быстрая история*. Это та история, которая нам современна. Мы — картезианцы. Я думаю, что в каком-то смысле вся цивилизация является, по сути дела, картезианской.

В чем суть этой быстрой истории? В том, что когда вы сталкиваетесь с такими системными и глубокими, продуманными концепциями мира, которые вы находите у Декарта, то, конечно, некоторые культурологические, культурные и социокультурные элементы (я бы даже назвал их психическими или психологическими элементами) вытравляются, исчезают, поскольку дискуссия вокруг этих понятий строится на основании самой системы, которая вводит эти понятия. Поэтому мы, к сожалению, не можем активизировать свои основные посылки, но исторические знания, в частности знание этой убыстряющейся, быстрой истории, сталкивают нас с новыми структурами, без которых, напри-

мер, сама система картезианской философии не могла бы сформироваться. В том числе и картезианская физиология, на которой базируется вся современная физиология.

И что здесь мы замечаем? Картезианские темы — это ответственность, безумие, эго, эго когито — темы, которые включали в себя некоторую ответственность мыслящего существа, подвергающего себя абсолютному и радикальному контролю. Фактически картезианский субъект — это субъект, способный на абсолютный контроль.

Когда мы начинаем заниматься и продумывать некоторые мысли картезианской философии, оказывается, что латентным образом, который формирует все отношение Декарта к телу и к феноменологии телесности, является мертвое тело. До эпохи Нового времени его не существовало.

1549-й год — это год открытия нового атласа. Замечательный ученый и художник Везалий создает свою фабрику — набор инструментов, образов, первичной иконографии. Эта первичная иконография связана с достаточно точными, анатомически телесными образами. Он работал в ужасную эпоху — эпоху непрерывных войн, становления национальных государств, чудовищных непреходящих эпидемий, мора. Невозможно даже представить себе количество жертв, ужасов, которые тогда существовали. Тогда культ смерти и сакральное значение смерти бесконечно были значимы.

Везалий создал свыше 40–50 планшетов. Он рисовал казненных преступников, чьи тела истлели на воздухе. Делал эти зарисовки, перемещаясь по Европе. Другого доступа к человеческой анатомии тогда не было, она была полностью контролируема церковью. А церковь еще не давала добро на аутопсию, ставшую впоследствии основным объектом медицинского знания и объективации всего процесса изучения человеческого тела. Объектом тела становится только после внесения методов аутопсии.

Везалий действовал как полевой антрополог, который исследовал и анализировал. Когда мы смотрим сейчас эти рисунки, то

понимаем, какая это замечательная графика, как потрясающе был одарен художник. Но при этом ты испытываешь ужас, потому что он с интересом анатома и хирурга анализирует каждую оставшуюся мышцу. Ну и что там продолжать, когда человек занимается разрисовкой полуразложившихся трупов? Фактически он занимался дистанционной аутопсией.

Это этап появления мертвого тела как латентного образа, когда формируется картезианское «когито». Впервые начинает обосновываться дистанция между мыслящим, разумным существом и этим бранным, телесным остатком, который должен находиться под абсолютным контролем. А под абсолютным контролем он сможет находиться только тогда, когда этот контроль сам будет производить то тело, которое необходимо для контроля. Это тело называется машина, и в картезианских размышлениях вы видите постоянное употребление двух терминов: «труп» и «машина». То есть телесный образ постоянно идентифицируется через труп и машину. Феномен мертвого тела играет колоссальную роль в формировании картезианского мышления — самой влиятельной, могущественной системы. Без Декарта, конечно, не было бы Дюркгейма, не было бы точного механистического знания, которое в науках играло значительную роль на протяжении последних трех веков быстрой истории.

Что самое интересное в исследованиях? (Они проводились, в частности, Мишелем Фуко, Вигарелло. Это были историософские, историко-культурные исследования, связанные с феноменом фигуры полного контроля.) Давление смерти было настолько велико, что единственная возможность спасения заключалась в том, чтобы человек самоорганизовался, чтобы выжил в этой ситуации. Образ мертвого тела говорил о способе выживания, которое крайне необходимо. Это — давление жизни, которое шло на сакральные институты, со Средневековья еще якобы управлявшие жизнью. Но на самом деле требовались совершенно новые техни-

ки и технологии управления. Это открытие, которое сделал Фуко в работе «Надзирать и наказывать», а также в других (книги переведены, к ним можно обратиться). Совершенно четко и ясно у него заметно движение анализа, связанное с осмыслением появления системы репрезентации скрытым (латентным) архетипическим образом, которым является мертвое, абсолютно управляемое тело.

Давление жизни где-то в течение XVI века увеличивается настолько, что фактически аутопсия начинает распространяться сначала на любительском уровне, а потом приобретая очертания медицинского знания. Можно даже с юмором воспринимать записку Леонардо да Винчи, когда он, вглядываясь в глаза умирающего 90-летнего старика, говорит, что предвкушает наслаждение: «Сейчас, через несколько секунд я начну его разделять». Такое патологоанатомическое удовольствие было даже не просто преодолением страха перед смертью, а попыткой поймать смерть там, где она считала себя очень сильной — внутри человеческого тела. Это — ловля смерти там, где она становится смертью. В истории русской литературы можно найти отголоски этого в проблеме летаргического сна. Гоголь говорил: «Как бы не закопали меня живым». Достоевский об этом тоже беспокоился...

Проблема неопределимости смерти — когда она наступает, когда человек, собственно, мертв — была одной из главных проблем. Давление эпидемий, голода, войн было так сильно, что сакрализация смерти в той мере, в какой церковь могла управлять бы этим процессом, отступает на второй план. Появляются неуправляемые процессы, где смерть просто безумствует, уничтожает города, селения, страны. Вопрос о том, кто мертв, а кто живой, становится чрезвычайно важным — светским, не сакральным. Собственно, на этом основании и возникает медицина.

Возникает вопрос о том, что такое мортальное время, насколько сакральное время не соответствует мортальному времени. Декарт в течение одиннадцати лет занимался вскрытием мелких и более крупных живот-

ных. Он все время пытался зафиксировать момент, когда может остановить жизнь: он перекрывал артерии, сжимал сердца животных, чтобы зафиксировать это мортальное время, момент смерти.

Проблема мортального времени является весьма существенной, потому что впервые открывается возможность восстановления. Если мы узнаем, когда появляется момент смерти, то, значит, можно говорить и об обратной регенерации, значит, мы можем каким-то образом восстановить этот процесс. Можно сказать, что картезианская физиология пыталась не только построить процесс понимания, что такое смерть, но и разрешить проблему понимания того, что такое жизнь. Сам Декарт считал, что он проживает до 120 лет, что человеческое тело можно относительно легко починить.

Отсюда все проблемы, связанные с возрождением, реанимацией. Миф о Франкенштейне — это картезианский миф, который движется дальше вплоть до Терминагора и других образов сегодняшнего Голливуда. Это логика, которая связана с образом мертвого тела.

Репрезентация в том виде, в каком она осозналась Декартом, это репрезентация, по сути, мертвого тела. Там, где живое тело может быть представлено как абсолютно мертвое, там тело репрезентируется, там оно выставляется, там оно может исследоваться, становится объектом. Картезианская эпоха дает нам такой ход от тела к объекту. Зарождаются все практики, в том числе зарождается психология, первые начатки этнографии, антропологии. Все институты рождаются на переходе к Новому времени именно в связи с радикальным, решающим открытием мертвого тела.

Следующий этап. Если мы обратимся к концу XIX — началу XX века и затем к XX веку целиком, то встретим еще один латентный феномен — тело искалеченное. С конца XIX века начинается снова этап колоссальных разрушений и войн. Когда мы говорим о различиях в репрезентации, то делаем это таким образом, что нам нужны, условно го-

воря, *миллионы жертв*. Фактически каждое научное знание (дистилляция этого основного базового образа) связана с гекатомбами, с ужасающими человеческими пожертвованиями. Жертвы, которые были характерны при переходе от Средневековья к Возрождению и Новому времени, и жертвы конца XIX века и далее — несравнимы. Это миллионы, сотни миллионов, а может быть, и более погибших, уничтоженных людей. И никто никогда не говорит об этом, не обсуждает! Это всечеловеческая травма, которая продолжается начиная с XIX века и в течение всего XX века! Это чудовищное, постоянное травмирование! И этот латентный образ существует, он постоянно актуализируется в различных научных дисциплинах.

Итак, на рубеже XIX–XX веков латентный образ начинает порождать некоторую актуализацию, которая происходит на рубежах войн: Первой и Второй мировых. Что развивается? Откуда появляются гештальтисты? Откуда появляется феноменология, целостность? Из той ужасающей нехватки, которую человек начинает испытывать. Если возьмете идеологические системы, существующие до конца XIX века, до рождения психоанализа, гештальтпсихологии, философии экзистенциализма и т. д., то очевидно: в их рамках происходил отказ от целостного, от космического представления — от того, что человек удерживал ранее просто с помощью своего разума, картезианской рациональности.

В том мире, в котором мы существуем сегодня, уже ситуация поменялась. Это второй этап быстрой истории. Искалеченное тело вводит некоторое представление о целостном образе того же движения. И вот эта нехватка, о которой говорит Сартр, нехватка бытия, идеология ничто, характерная для хайдеггерианской философии, эта нехватка, которая сопровождает все. Она может быть очень грубо привязана к некоторой первой травме, травматичности так называемого искалеченного тела.

Сегодня мы все более убеждаемся, что нельзя пренебрегать теми травмами, которые культурно не объективированы и кото-

рые остаются в культурных актуализациях, иногда даже не прослеживаемых. Когда вы берете, например, самую выдающуюся книгу по феноменологии тела, книгу Мерло-Понти «Феноменология восприятия», то видите, что эта книга — история солдата Шнайдера, раненного на войне. Он получил то же ранение, которое описывает А. Р. Лурия в своей книжке о раненом офицере. Это два совершенно аналогичных опыта, которые излагаются одинаково. Что за этим стоит? Солдат Шнайдер — не просто основатель натуральной феноменологии, которая идет после дискурсивной гуссерлевской феноменологии. У гештальт-психологов главная фигура эксперимента — это тот же солдат. Когда вы берете ранние работы А. Н. Леонтьева, то видите, что они тоже о послевоенных травмах. Травматический послевоенный опыт оказался чрезвычайно важным. Фактически вся философия Нового времени исходит тоже из этого посттравматического опыта, который не мог быть не учтен.

И далее, наконец, более крупный участок Новейшего времени: это «диджитал-боди» — то тело, которое является исчезающим, цифровым. Это тоже очень серьезная проблема. Целостность искалеченного тела, к примеру, мы можем достроить, найти возможности компенсации. Часть психотерапии, психоанализа строится на этом дополнении, достраивании. История, которая сегодня вторглась и которая требует к себе внимания, является плохо изученной. Хотя я знаю, что есть исследования по виртуалистике, по новым технологиям. С появлением новых тех-

нологий мы достигаем удивительного тела «диджитал», исчезающего. Фактически мы вступаем, вероятно, в самый глобальный антропологический кризис, к которому человечество, на мой взгляд, может быть не готово. Возникают такие технологии, которые никоим образом не соответствуют телесному опыту человека. Никогда ранее человек с этим не сталкивался. Всегда референция хоть слабая, но была, человек постоянно искал компенсацию, постоянно восстанавливал человеческое.

Здесь мы сталкиваемся с той нейтральной идеологией виртуалистики, виртуального мира, которая абсолютно обесценена, она абсолютно не реагирует на человеческое. Она абсолютно инертна. Она не активная, не реактивная, она — инертна. То есть совершенно, никаким образом не отличается человеческое. Мы не можем компенсировать виртуальный мир, а виртуальный мир может спокойно поглощать участки и зоны реального мира, не давая ему никакого восстановления. То есть переработка идет только в одном направлении. Насколько реальный мир может быть переработан виртуальным? Вот в этом весь хайтековский зачин.

Самое главное — вопрос о том, что есть человек, не может быть задан иначе, на мой взгляд, чем так, как я попытался представить, а именно в рамках дифференциации всей формальной исторической структуры вопрошания. Каждый раз мы должны спрашивать: с чем мы имеем дело? Какова система латентных образов, не открытых, навязанных, заданных репрезентацией?